
¹⁹ С 2003 г. посещение иностранцами курсов французского языка является обязательным и т. д.

²⁰ См.: *Осборн Р.* Цивилизация. Новая история Западного мира. М., 2008. С. 598.

Л. В. Никитин

МЕЖДУНАРОДНОЕ ФИНАНСОВОЕ ВЛИЯНИЕ ЛОНДОНА И МОСКВЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX — НАЧАЛЕ XXI в.: ПОСТИМПЕРСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

В последние годы зарубежная историческая наука все чаще рассматривает в качестве самостоятельно важной проблемы становление, развитие и конкуренцию городов как международных финансовых центров¹. Не удивительно, что особое внимание в этом плане уделяется Лондону: его коммерческие успехи на глобальной арене давно служат локомотивом для всей экономики Соединенного Королевства и неизменно входят в число приоритетов любого британского правительства. Однако подобную роль на своем уровне может играть и Москва. Соответственно, изучение лондонского опыта последних десятилетий и проведение некоторых параллелей имеет для современной России не только чисто академическое, но и прикладное значение.

Как известно, Лондон стал важнейшим финансовым центром мира еще в начале XIX в., потеснив ранее выступавший в этом качестве Амстердам. Среди многих факторов, способствовавших перемещению узла деловой активности через Северное море, наибольшее значение имели два: усиливающийся промышленный отрыв Великобритании, а также расположение Лондона в экономическом центре бескрайней империи, его особая миссия в перераспределении входящих и исходящих торговых потоков. Позднее,

несмотря на появление ряда неблагоприятных обстоятельств (среди них — постепенная утрата Британией индустриального и технологического лидерства, появление мощного конкурента в лице Нью-Йорка и т. д.), гигантский финансовый вес Лондона не вызывал особых сомнений на протяжении еще полутора веков. Однако все могло резко измениться в середине XX в., когда долгосрочные последствия депрессии 1930-х гг., Вторая мировая война и, наконец, распад заморской империи нанесли серию сильнейших ударов по позициям Сити. Близкий финансовый закат Лондона казался тогда почти неизбежным.

И все же колоссальный опыт британских финансистов, помноженный на некоторые действия национальной и муниципальной власти, позволил адаптироваться к новым условиям. На самом трудном этапе (вторая половина 1940-х — 1950-е гг.) главным стабилизирующим фактором стало поддержание сравнительно хороших отношений с бывшими владениями Короны, получившими теперь независимость. Политическая и деловая элита этих стран (не говоря уже об аналогичных кругах в доминионах) не возражала против сохранения стерлинговой зоны, т. е. существовавшего с 1930-х гг. единого пространства, на котором, благодаря отсутствию юридических барьеров и привязке валютных курсов к фунту, легко осуществлялось движение капиталов через государственные границы.

В первые послевоенные годы эта зона, наряду с еще имевшимися колониями, охватывала 11 полностью или частично независимых государств: Австралию, Бирму, Новую Зеландию, Индию, Иорданию, Ирак, Исландию, Ливию, Пакистан, Цейлон и Южную Африку, а также территории Персидского Залива². Здесь уже просматривались контуры того поля приоритетных финансовых связей Британии, которому при некоторых дальнейших модификациях суждено было сохраняться в постколониальную эпоху. Особенно важной оказалась практика размещения в Сити государственных займов, выпущенных перечисленными странами стерлингового блока. Лондон, находившийся в центре огромного механизма торговли правительственными облигациями и стабильного валютного

обмена, смог остаться производителем транснациональных финансовых услуг, хотя и для сократившегося круга клиентов. Даже этого оказалось достаточно для того, чтобы британская столица удерживала абсолютное мировое лидерство, например, по присутствию иностранных банков (69 в 1955 г.³) и по величине собственных сетей за границей (более 3600 отделений и филиалов на ту же дату)⁴.

Позднее возможности для возвращения к «глобальной игре» заметно расширились. Так, во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг. именно Лондон сыграл ведущую роль в появлении «евродолларов» — многомиллиардного рынка финансовых инструментов, номинированных в американской валюте, но работающих за пределами США.

Возникновение этого экономического феномена было связано с особой мировой ролью доллара в период действия Бреттон-Вудской системы, а также с внутренним законодательством Соединенных Штатов, которое не позволяло американским банкам поднимать уровень своих ставок выше установленного предела. В итоге подобной ситуацией решили воспользоваться некоторые европейские банки, которые стали принимать долларовые вклады на более выгодных условиях. В июне 1955 г. первым по этому пути пошел лондонский «Мидленд Банк» (Midland Bank)⁵, вскоре за ним последовали и другие (также преимущественно британские) финансовые группы. В дальнейшем, расширяя спектр услуг, наряду с долларовыми депозитами они стали предлагать долларовые кредиты и облигации. В этой сфере преимущество опять же было у лондонских компаний: британское правительство, в отличие от властей ФРГ, Франции, Швейцарии и других континентальных стран, не считало нужным ограничивать подобную деятельность⁶. Важно отметить и то, что очень большая часть долларовых облигационных займов, размещенных в Лондоне, приходилась на правительства, регионы, города и корпорации стран ЕЭС. Иными словами, пространство прямого финансового притяжения Сити с 1960-х гг. пополнилось за счет мощной экономики Западной Европы, что,

конечно, не означало сворачивание более привычных связей со стерлинговой зоной и Содружеством Наций.

В целом период 1960-х и тем более 1970-х гг. оказался для британской экономики очень непростым. Это было время крайне низких темпов роста ВВП, все более заметного отставания страны от основных конкурентов и хронической депрессии в традиционных отраслях промышленности; на фоне подобных долгосрочных тенденций последовала резкая девальвация фунта в 1967 г., затем ликвидация стерлинговой зоны в 1972 г. и тяжелый энергетический кризис 1973–1974 гг. В этих условиях лондонский кластер бирж и разнообразных финансовых компаний был одним из немногих по-настоящему процветавших сегментов национального хозяйства. Он, говоря словами Ю. Кассиса, «все более отрывался от экономической судьбы Британии и ее валюты»⁷. В середине 1970-х гг. на берегах Темзы работали уже две с половиной сотни иностранных банков, что вдвое превосходило аналогичные показатели Нью-Йорка и Токио⁸. По оценкам Г. Рида, составившего на исходе десятилетия первый статистически обоснованный рейтинг современных финансовых центров, Лондон к этому моменту вернулся на самую вершину мировой иерархии⁹.

Наконец, еще один рывок был совершен на фоне последовательного перехода к неолиберальной экономической модели, развернувшегося со второй половины 1970-х гг. Снижение налогов, подавление инфляции и некоторые другие действия правительства М. Тэтчер (1979–1990 гг.) в целом способствовали развороту долгосрочных трендов и оздоровлению национального хозяйства. Хотя макроэкономические трудности прежних десятилетий, как мы уже видели, не остановили финансовые прорывы Сити, предпочтительным был, конечно, фундамент в виде динамичной и устойчивой экономики 1980–2000-х гг. К тому же при Тэтчер и ее преемниках, наряду с созданием общих благоприятных условий для частного бизнеса, принимались и некоторые специальные меры, ориентированные непосредственно на финансовый сектор. Речь прежде всего идет о дальнейшем снятии барьеров для трансграничного перемещения капиталов, а также о знаменитой

реформе Лондонской фондовой биржи (London Stock Exchange, LSE) в октябре 1986 г. После этого события, вошедшего в историю под неофициальным названием «Большой взрыв» («The Big Bang»), крупнейшая биржевая площадка Британии и всей Европы избавилась от ряда архаичных ограничений, стала намного более открытой для международной конкуренции и технологических инноваций¹⁰. Очень важным обстоятельством было и то, что благоприятный деловой климат не изменился после смены правящей партии: лейбористы, вернувшиеся к власти в 1997 г., порадовали бизнес сохранением низких налогов, расширением самостоятельности Банка Англии, а также тем, что их отрицательное (в конечном итоге) отношение к возможному переходу с фунта на евро было увязано с защитой позиций Сити в глобальной финансовой системе.

В результате сегодняшний Лондон — вместе с Нью-Йорком — по-прежнему остается одним из двух ведущих деловых центров мира. При этом в наше время подобные утверждения все чаще могут опираться не только на традиционные исторические источники и приблизительные оценки, но и на большие массивы статистических данных. К настоящему моменту наиболее полной и проработанной представляется ранговая система британской исследовательской группы GaWC (Globalization and World Cities) при Университете Лафборо¹¹. На рис. 1 показано место Лондона в глобальной финансовой иерархии по версии GaWC, а также положение LSE среди крупнейших фондовых бирж. Вновь подчеркивая исключительно важную роль британской столицы в мировых делах, обратим внимание на все еще сохраняющуюся (хотя и существенно размытую) привязанность Лондона к некоторым частям бывшей Империи. Именно об этом говорит специально проведенный корреляционный анализ. Если сопоставить рейтинговые оценки мировых городов, выставленные GaWC, с уровнями офисного присутствия в этих же городах ведущих лондонских банков, то можно получить картину, отраженную на рис. 2. Как видим, давние связи с Гонконгом, Сингапуром, Найроби и другими опорными пунктами исторического *Rex Britannica* до сих пор повышают

относительную значимость названных городов непосредственно для «лондонских сетей» в сравнении с общемировыми сетями. Но в более широком плане положительный наклон корреляционного тренда на рис. 2 все же свидетельствует о существенной близости этих двух типов сетей — иными словам, о том, что Лондон с его универсальной географией интересов является коммерческим перекрестком мирового значения.

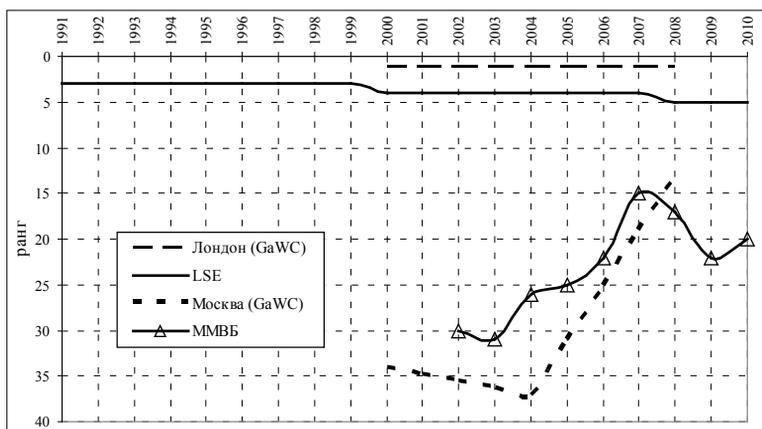

Рис. 1. Место Лондона и Москвы среди крупнейших финансовых центров мира (по версии GaWC); место Лондонской фондовой биржи (LSE) и Московской межбанковской валютной биржи (ММВБ) среди крупнейших фондовых бирж мира. 1991–2010 гг.

Источник: данные GaWC и World Federation of Exchanges.

Что же касается Москвы, то ее финансовая история долгое время отличалась особым своеобразием, проистекавшим из специфики советской системы. Крайняя централизация, почти тотальный государственный контроль над экономикой (немыслимый на Западе даже в рамках кейнсианской модели) и ограничение большинства внешних связей фактически выталкивали Москву на дальнюю периферию в сети глобальных финансовых центров.

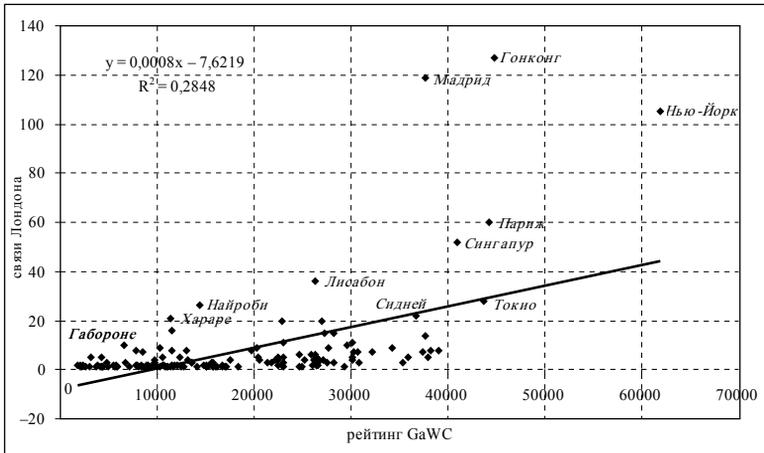

Рис. 2. Корреляция между рейтинговыми баллами ведущих финансовых центров мира (по версии GaWC) и офисным присутствием крупнейших банков Лондона. Начало 2000-х гг.

Источник: расчеты на основе данных GaWC.

Вместе с тем для перспективы было важно то, что Москва набирала — хотя и крайне нетипичный — опыт управления мощными денежными потоками внутри страны, а затем и на пространстве СЭВ. Кроме этого, постепенная реинтеграция СССР в мировую экономику, особенно заметная с 1960-х гг., потребовала постоянного офисного присутствия советских финансовых учреждений в ряде деловых центров зарубежного мира. Еще с довоенных лет работали довольно крупные «совзагранбанки» в Лондоне, Париже и Тегеране; с 1960–1970-х гг., в соответствии с изменениями в географии глобальных финансов, к этой сети добавились аналогичные структуры в Цюрихе, Люксембурге, Франкфурте-на-Майне, Вене, Бейруте и Сингапуре. Параллельно чуть более доступным для иностранцев становился и сам СССР. Так, развитие совместного газотранспортного бизнеса с Западной Германией сопровождалось открытием в 1972 г. московского представительства «Дойче Банка» (Deutsche Bank), за которым через год последовал французский

«Сосьете Женераль» (Societe Generale). Конечно, развитие подобных связей, уже давно ставшее для Лондона системой, для Москвы пока еще было набором довольно редких и политически окрашенных эпизодов. Но в любом случае реальная внешнеэкономическая практика все сильнее отличалась (в лучшую сторону) от исходных идеологических установок на «противостояние с миром капитала».

Этот фундамент сыграл определенную роль во время перехода к рыночной экономике и создания новых финансовых институтов на рубеже 1980–1990-х гг., а также в последующие десятилетия. За короткий период в столице постсоветской России сложилась довольно мощная деловая инфраструктура, включающая крупные биржевые площадки с самыми современными технологиями и сотни банков, среди которых несколько десятков принадлежат ведущим зарубежным корпорациям. Не удивительно, что на заре нового века Москва вошла в поле постоянного внимания GaWC, а затем и других исследовательских центров, занимающихся созданием упомянутых рейтингов. Более того, за несколько лет и самому городу, и крупнейшей из его бирж (ММВБ) удалось совершить восхождение из четвертого во второй десяток глобальной иерархии (рис. 1).

Кроме этого, распад СССР сразу же превратил Москву в центр финансового влияния (или как минимум в источник денежной эмиссии) для дюжины независимых государств. В плане сохранения прежних деловых связей и их адаптации к новым условиям ситуация на постсоветском пространстве была сложнее той, которая наблюдалась сорока годами ранее в Британском Содружестве наций. Свою негативную роль играли такие факторы, как наличие острых политических конфликтов, быстрая переориентация внешнеторговых потоков на страны Евросоюза и Китай, а также разрушение рублевой зоны в 1992–1994 гг. С другой стороны, обстановка все же не была такой трагической, как в параллельно распадавшейся Югославии. Сложные, но преимущественно мирные отношения между Россией и другими республиками бывшего СССР позволили сохранить, а затем и расширить различные

коммерческие связи; при этом их крупнейшим (но уже не единственным) узлом являлась Москва.

В данной связи представляется уместным проведение количественных сопоставлений между зонами финансового влияния Москвы и Лондона. К сожалению, в первом из этих случаев получить статистически значимую картину корреляции, как это было сделано для британской столицы (рис. 2), сложно. Количество зарубежных филиалов и представительств московских банков, хотя и заметно возросшее за последние годы, до сих пор на порядок уступает числу аналогичных подразделений, управляемых из Сити и Кэнэри-Уорф. Однако в отношении Москвы для получения более показательных замеров можно частично использовать такой резерв, как сеть корреспондентских счетов. В качестве некоторой замены офисного присутствия российских банков могут рассматриваться корсчета категории «лоро». В отличие от разновидности «ностро», это не счета российских финансовых компаний, открытые за границей, а, наоборот, счета иностранных банков, открытые в России. Иными словами, это такой канал перевода денежных средств, в котором именно Москва является ключевым посредником для зарубежных клиентов при обеспечении трансграничных платежей.

Результаты вычислений (при которых значение филиалов повышалось с помощью дополнительного коэффициента) показаны на рис. 3. В противоположность «лондонскому» рис. 2, здесь мы наблюдаем отрицательный наклон тренда: математический инструментарий подчеркивает, что направленность подобных связей, исходящих из Москвы, существенно отличается от среднемировой картины. Соответственно, российская столица выступает в качестве регионального, но не глобального финансового перекрестка. Явным приоритетом для нее являются города стран Балтии и СНГ (особенно впечатляет уровень контактов с Киевом), тогда как нити, протянувшиеся в дальнее зарубежье, все еще остаются малочисленными. Региональная ориентированность станет еще более очевидной, если будут приняты во внимание корреспондентские связи Москвы с множеством украинских, белорусских

и казахстанских городов, не входящих в рейтинги GaWC и потому оказавшихся за рамками корреляционных сопоставлений. Наконец, следует еще раз подчеркнуть, что использованные при данном анализе корсчета «лоро» все же не является полноценной заменой прямого офисного присутствия. После таких поправок Москва, очевидно, превращается в международный финансовый центр с ограниченной зоной влияния, далеко уступающей аналогичной зоне влияния Лондона.

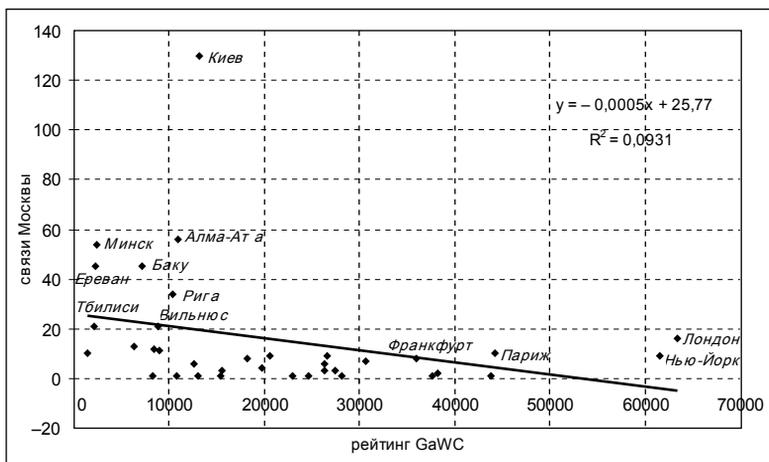

Рис. 3. Корреляция между рейтинговыми баллами ведущих финансовых центров мира (по версии GaWC) и связями крупнейших банков Москвы (офисное присутствие, корсчета «лоро»). Середина 2000-х гг.

Источник: расчеты на основе данных GaWC и официальных сайтов банков.

Впрочем, было бы ошибкой абсолютизировать эту слабость позиций и недооценивать достижения постсоветского времени. В любом случае 13-е место Москвы среди мировых финансовых столиц в обновленном рейтинге GaWC (2008 г.) и 20-е место ММВБ в иерархии крупнейших фондовых бирж (2010 г.) выглядят достойными результатами для города и страны, которые еще 20–25 лет назад обладали лишь отдельными элементами

современной финансовой инфраструктуры. Что же касается транснационального коммерческого влияния Москвы, то оно при всей рассмотренной ограниченности вовсе не равняется нулю. Уже сегодня являясь самым мощным деловым узлом большого региона, Москва частично повторяет успехи Лондона второй половины 1940-х — первой половины 1950-х гг. Продолжая эту историческую аналогию, можно утверждать, что более выраженной «постимперской адаптации» могло бы способствовать развитие таможенных (или даже валютных) союзов на пространстве бывшего СССР, а также дальнейшее восстановление экономических связей со странами Центральной и Восточной Европы. После достижения подобных целей (иначе говоря, в случае приближения к тому статусу, которым Лондон обладал в середине 1950-х гг.) уместно было бы ставить вопрос о действительно глобальной роли российской столицы в финансовых делах.

Подводя итоги, необходимо хотя бы кратко затронуть еще один важный аспект. Лондон, являющийся абсолютным лидером в биржевом и кредитном секторе своей страны, не выступает при этом в качестве абсолютного монополиста. Наряду с ним заметную роль играют также Эдинбург, Бирмингем, Манчестер и некоторые другие города. В России доминирование столицы, хотя и немного пошатнувшееся во второй половине 2000-х гг.¹², наблюдается еще более определенно, чем в Британии. Между тем для общего экономического прогресса страны, а также для развития ее транснациональных финансовых связей была бы полезной некоторая децентрализация, выражающаяся в усилении прямой международной деятельности Санкт-Петербурга и ряда перспективных городов-«миллионеров», особенно Казани, Самары, Екатеринбурга, Челябинска и Новосибирска.

¹ К числу важнейших работ, сформировавших это исследовательское направление, принадлежат обобщающие публикации Чарльза Киндлбергера (*Kindleberger C. The Formation of Financial Centers // Princeton Studies in International Finance. 1974. Vol. 36. P. 1–78*), Фернана Броделя (*Braudel F. Le Temps du Monde. P., 1979*), Говарда Рида (*Reed H. C. The Preeminence*

of International Financial Centers. N. Y., 1981), Джанет Абу-Луход (*Abu-Lughod J. Before European Hegemony: The World System A. D. 1250–1350*. N. Y., 1991), Кэтрин Шенк (*Schenk C. R. International Financial Centres; Competitiveness and Complementarity, 1958–1971 // European Banks and the American Challenge; competition and cooperation in international banking under Bretton Woods*. Oxford, 2002. P. 74–102) и Юсефа Кассиса (*Cassis Y. Capitals of Capital*. N. Y., 2006). Кроме этого, существует немало статей и монографий, посвященных финансовой истории отдельных городов.

² См.: *Cassis Y. Op. cit.* P. 212.

³ См.: *Schenk C. R. Op. cit.* P. 75.

⁴ См.: *Jones G. British Multinational Banking, 1830–1990*. Oxford, 1993. P. 400–401.

⁵ См.: *Schenk C. R. The Origins of the Eurodollar Market in London, 1955–1963 // Explorations in Economic History*. 1998. Vol. 35. No. 2. P. 221–238.

⁶ См.: *Cassis Y. Op. cit.* P. 223–224.

⁷ *Cassis Y. Op. cit.* P. 225.

⁸ См.: *Choi R. C., Park D., Tcschoegl A. Banks and the World's Major Banking Centers, 2000 // Weltwirtschaftliches Archiv*. 2003. Vol. 139. No. 3. P. 550–568.

⁹ См.: *Reed H. C. Op. cit.*

¹⁰ См.: *Cassis Y. Op. cit.* P. 246.

¹¹ См.: <http://www.lboro.ac.uk/gawc>

¹² Более подробно данный вопрос рассмотрен в предыдущих публикациях автора (см., напр.: Никитин Л. В. От монополии центра к «архипелагу городов»: эволюция банковского пространства России в 1988–2008 гг. // *Экономическая история : ежегодник*. 2010. М., 2010. С. 606–629).